

MATERIAL Y

VIII MEZINARODNI VEDECKO - PRAKTICKA KOIVFERENCE

«PREDNI VEDECKE NOVINKY - 2012»

27 srpna - 05 zaff 2012 roku

Df17
Filologicke vedy
Filosofie

Praha
Publishing House «Education and Science» s.r.o
2012

JAZYKOVDA

- Соболева И.А. Конфликтность современного
медиаполитического дискурса..... 45
Изюмская С.С. Определение понятия «англицизм» в лингвистической науке 49

FILOSOFIE

SOCIALNI FILOSOFIE

- Boychenko M. Framework conditions of social evolution 53

HISTORIE FILOSOFIE

- Качмала А.В. Модель реального бытия в учении Николая Гартмана 59

FILOSOFIE KULTURY

- Воронина Н.И. Культурное пространство этноса: «свои» и «чужие» 62
Кабалдии Ю.Г. Время как информация..... 64
Кабалдии Ю.Г., Дементьев В.И. Квантовый подход
к возникновению жизни на земле..... :.,... :.,... :.,... 66

И.А.Соболева

**Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
кафедра русского языкознания и коммуникативных технологий**

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Все исследователи лингвистической конфликтологии (Дымарский М.Я., Жельвис В.И., Ильенко С.Г., Муравьева Н.В., Синельникова Л.Н., Третьякова В.С., Шубина Н.Л. и др.) отмечают актуальность и востребованность комплексного подхода к изучению конфликта как феномена языка и речи, что подразумевает анализ лингвокогнитивного, социолингвистического, прагматического, психолингвистического и лингвокультурологического аспектов рассматриваемого явления а также, в свою очередь, позволяет говорить о типе дискурса, вступающего в противоречие с позитивной направленностью общения.

Как языку, так и речи изначально присущи некие конфликтогенные свойства, провоцирующие пользователей языка на конфликтное взаимодействие. По словам Н.Д. Голева [1], любой коммуникативный акт потенциально конфликтен, любое высказывание хранит в себе потенциал непонимания или двусмысленного понимания. Исследователь даже высказывает такую мысль, что язык существует и для того, чтобы создавать конфликты. В этой связи, отмечает автор, правомерно говорить об инвективной функции языка. Любой язык содержит набор лексических и фразеологических инвективных средств, интонационных схем, моделей речевого поведения, обслуживающих зону инвективности.

Безусловно, конфликт является неотъемлемой характеристикой процесса коммуникации. Борьба за власть же имеет две стороны: борьбу находящихся у власти политиков за сохранение своего положения и борьбу политиков, идущих

к власти. Соответственно политический дискурс предполагает наличие знаков противостояния и агрессии.

Выявление стратегий агрессии и конфликта, их перевод в толерантное и паритетное коммуникативное сотрудничество — среди актуальных задач исследования общения. В настоящей статье делается попытка анализа инвективной агрессивной стратегии в современном политическом медиадискурсе Украины. Под инвективом нами понимается любое вербальное проявление агрессии или стилистически сниженной экспрессивности, оценочности, эмотивности и эзотеричности по направлению к адресату речи, к ситуации, к теме, предмету или процессу социально-речевого общения. Инвективная агрессивная стратегия политического медиадискурса проявляется в нарушении этнокультурного социально-этического табу, основанного на употреблении сниженных и субстандартных языковых единиц.

А.П. Чудинов [2, с.57-58] выделяет следующие формы проявления агрессивности в современном политическом дискурсе:

1. Призывы к физической агрессии и метафорическая характеристика политических действий как физической агрессии.

2. Использование инвектив.

3. Негативная оценка политических оппонентов, национальных, социальных и других групп, политических институтов и т.д., выражаемая в грубой, иронической, двусмысленной форме.

4. Использование специальных знаков агональности, к которым относятся маркеры «чуждости», показатели умаления значимости, выражения недоверия к искренности оппонента и достоверности его суждений.

5. Возбуждение тревожности, неуверенности, ощущение чрезмерной зависимости от государства и общества, неудовлетворенности существующим в стране положением дел и страха перед будущим.

Все выше названные А.П. Чудиновым формы появления агрессии не просто актуальны для современного политического дискурса Украины, а они

имеют тенденцию к обострению, с одной стороны, и к примитивизации механизмов их организации, с другой.

Особую роль в «разжигании» агрессии и конфликтогенности играют политически ангажированные и крайне поляризованные СМИ. Изначально призванные отображать настроения и чаяния большинства членов социума, они усиливают ощущение тупиковости политической ситуации, неверия в оптимистическое развитие событий. Видимо, именно затяжной политической кризис, выхода из которого не видит практически никто, порождает крайне пессимистические настроения и проявление крайних форм агрессии.

Для определения степени агрессивности медиадискурса, а затем выявления способов ее проявления, необходимо сопоставить план содержания и план выражения, то есть учитывать не только его формальную сторону (композицию, язык), но и интенции автора. Ю.В. Южакова считает, что стремление сформировать у адресата речи негативное отношение, нанести вред описываемому объекту, указывает на проявление агрессии и наличие негативных интенций [3].

Мы различаем инструментальную и враждебную языковые агрессии.

Инструментальная языковая агрессия является важным средством достижения какой-либо дискурсивной цели. Это имплицитная по форме выражения агрессия, она реализует скрытые негативные интенции адресанта, имеющие общую установку — стремление завуалировать негативное отношение к объекту агрессии, представить это отношение в «дозированном», предусмотренном лингвокультурными и медийными нормами виде. Такого рода агрессия изначально свойственна публицистическому дискурсу, по сути — это тексты экспрессивного типа, в которых основную роль играют выразительные средства языка, очень часто соединенные по принципу контраста и оппозиции. Степень агрессивности таких дискурсов определяется исходной авторской интенцией, композицией, языковыми средствами и т.д.

Враждебная языковая агрессия — это эксплицитная агрессия с ярко выраженной интенцией нанести вред, обидеть, унижить и даже оскорбить

объект высказывания. Такая языковая агрессия «опирается» на эмоционально-экспрессивный фонд языка и выражается с помощью стилистически маркированных языковых единиц (просторечий, жаргонов, обценной лексики). Механизмы враждебной агрессии наиболее частотно реализуются в бытовых диалогах конфликтного характера (в общественном транспорте, на рынке и т.д.) и характеризуют их участников как людей низкой речевой культуры. Примечателен тот факт, что механизмы враждебной (бытовой, примитивной) языковой агрессии активно эксплицируются в современном политическом медиадискурсе.

Сплошь и рядом мы сталкиваемся в современных медиа с языковой агрессией, представляющей собой эмоциональную оценку объекта высказывания со знаком «минус». Для таких дискурсов характерны категоричность суждений, однозначность оценок, концентрация сниженных языковых средств. Например: *«Можно было бы уделить внимание камуфляжным генералам с героическим профилем и гнилыми душами, разным юридическим сынам и прочим обитателям украинского политического дурдома, но много им будет чести, сколотили деньгу на обмане, и люди в очередной раз утерли сопли»* (Корреспондент, 17.06.12). В этом достаточно типичном с точки зрения стилистического фона и аксиологического вектора медиадискурсе наблюдается высокая степень концентрации сниженных языковых средств, выражающих враждебную языковую агрессию как доминантную коммуникативную стратегию.

Однако сниженная языковая среда, столь прочно вошедшая в речеповеденческий потенциал современных медиа и ставшая маркером (по выражению В.Г. Костомарова) «языкового вкуса эпохи», перестает быть достаточно «отрицательно заряженной» для выражения негативной оценки и крайней степени языковой агрессии. В поисках еще более экспрессивно-негативно заряженных языковых средств адресант речи «опускается» на еще одну ступеньку, и в результате таких поисков выражения враждебной агрессии в современном политическом медиадискурсе все чаще и чаще стала

употребляться обценная лексика, вульгаризмы. В одних случаях - это так называемые завуалированные формы инвектив и бранных выражений (употребление отточия, недосказанности, эвфемизмов), в других – прямая экспликация обценной лексики.

Сравнительно недавно (в 2004г.) Е.И. Шейгал, анализируя российский политический дискурс, заявляла: «...брань, на наш взгляд, не является специализированным знаком агрессии в политическом дискурсе. Коммуникативные нормы институционального общения не приемлют бранной инвективности, и ее следует рассматривать как прагматическое заимствование из сферы бытового общения» [4, с.121]. Анализ современного медиаполитического дискурса Украины свидетельствует об обратном. Бранный, злобный, оскорбительный язык стал неотъемлемой частью политического дискурса Украины.

Очень часто обценные и грубо-просторечные выражения употребляются в заголовках, манифестирующих и коммуникативную стратегию, и враждебную интенциональность адресата. Такая тональность сильной позиции текста в значительной степени влияет на восприятие всего дискурса, она же программирует у адресанта ответную агрессию. Например: 1. «*Пошли все на...*» (Фокус, 12.04.11); 2. «*Иди же сюда, сволочь!*» (Ракурс-плюс, 13. 06.09); 3. «*С кирзовым рылом в хромовый ряд*» (Реальная газета, 30.05.12); 4. «*Так все-таки: ё-маё или во-бля?*» (Ракурс-плюс, 13.07.12); 5. «*Как нас хотят поиметь...*» (Корреспондент, 30.06.11); 6. «*Чего хотят эти «козлы»?*» (Фокус, 12.05.12).

Такая аксиологическая и стилистическая направленность заголовков политических медиадискурсов предполагает совпадение ценностных ориентаций адресанта и адресата. Цель инвективной интенции сродни оскорблению и заключается в понижении социального статуса оппонента или политической силы. Ярко выраженная агрессивность и конфликтогенность подобных дискурсов приводит к неравнозначности психологических ролей адресанта и адресата, неуважительных, некорректных по замыслу речевых действий, когда один из коммуникантов обращается к собеседнику сверху вниз,

или, наоборот, снизу вверх. Такие инвективные стратегии общения отражают эмоционально-биологические реакции низшего уровня. В таких случаях можно говорить об эксплетивной функции коммуникации, при которой грубо-просторечная, бранная лексика употребляется безадресно, как грубое и вульгарное междометие. Это, безусловно, совершенно не типично и не оправданно для публицистического стиля.

С позиций лингвистической прагматики агрессия является вспомогательной коммуникативной стратегией, способствующей достижению коммуникативной цели путем вуалирования исходных негативных интенций адресанта или смягчения эксплицируемой негативной отрицательной оценки. Иначе говоря, в основе любой агрессии – поиск согласия, толерантности. СМИ могут и должны оказать влияние на поиск согласия и формирование социальных установок толерантного поведения. Экспертная оценка и анализ возможных социальных последствий показывает, что градус враждебной вербальной агрессии современных медиа стал угрожающе аффективным, злобным и разрушительным.

Литература

1. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении/ Голев Н.Д. // Юрислингвистика: Проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научных трудов/ под ред. Н.Д.Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2008. – Вып.8. – С. 7-32.

2. Чудинов А.П. Политическая лингвистика/ Чудинов А.П. – М.: Флинта, 2006. – 370с.

3. Южакова Ю.В. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности: автореф. дисс .к. филол. наук: спец:10.02.02. «Русский язык» / Южакова Ю.В. – Челябинск, 2007. – 20с.

4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса/ Шейгал Е.И.. – М.: Гнозис, 2004. – 326с.

Аннотация

Статья посвящена анализу динамики инвективной агрессивной стратегии современного медиаполитического дискурса.

Ключевые слова: медиаполитический дискурс, инвектив, вербальная агрессивная стратегия.